

Е.В. Корякина

**Социально-экономическая траектория развития
дальневосточной деревни в середине
1980-х – начале 1990-х гг. XX в.
(на примере Амурской области и Приморского края)**

Ретроспективный анализ траектории социально-экономического развития дальневосточного села в эпоху перестройки представляется актуальным, так как без научного осмысления данной проблемы невозможно полное воссоздание аграрной истории России XX в.

Исследователи, определяя тенденции развития Дальнего Востока в конце XX в., да и в настоящее время, считают, что в целом регион перспективен, хотя его народно-хозяйственная специализация имеет сырьевую ориентацию [1, с. 26].

В южной, наиболее заселённой части региона, на территориях Приморского и Хабаровского краёв, Амурской области экономически оправдано существование многоотраслевой промышленности и транспорта [2, с. 11]. Там же термические ресурсы, рельефные и почвенные условия определили преимущественное развитие сельского хозяйства.

В 80-х гг. XX в. на юге Дальнего Востока находилось более $\frac{3}{4}$ площадей сельхозугодий, большая часть мелиоративного фонда и была сосредоточена почти вся пашня, имеющаяся в регионе [3, с. 24]. Однако в начале перестройки на дальневосточника приходилось только 0,42 га пашни, в то время как на российского жителя европейской части страны 0,94 га, т.е. в 2,2 раза больше [4, с. 174–175]. В расчете на одного жителя Приморья в середине указанного периода она равнялась 0,37 га. Для сравнения: в начале 90-х гг. показатель снизился до 0,35 га. Иная ситуация наблюдалась в Амурской области. Если в начале перестройки на каждого амурчанина приходилось 0,75 га, то в конце уже 1,73 га пашни [3, с. 24].

В значительной мере это объяснялось различием в хозяйственной специализации территорий. Приморье – регион с отчетливо выраженной промышленно-транспортной ориентацией. Так, доля промышленности в общем объеме краевого производства в 1991 г. составляла 64,5%, а аграрной сферы – только 6,2% [5, с. 75]. В то же время АПК Приморья включал 13 коллективных и 200 государственных хозяйств [6, с. 188, 190].

Амурская область традиционно считалась житницей Дальнего Востока. Доля промышленности в валовом производстве области в 80-х гг. составляла менее половины, в связи с чем она занимала последнее место по региону и одно из последних

в РСФСР [7]. Имеющиеся на её территории крупные генерирующие мощности, дешевизна электроэнергии не обеспечивали достаточное энергоснабжение аграрной сферы. На долю сельского хозяйства в общей структуре электропотребления области приходилось лишь 7,5% [8], хотя на амурской территории в конце данного периода было сосредоточено более 67% всех гидроресурсов юга Дальнего Востока.

АПК Амурской области к началу кардинальных экономических преобразований объединял 69 колхозов и 151 совхоз. Несмотря на крупные капитальные вложения в аграрную сферу (за годы XI пятилетки 1,2 млрд руб.), область к 1985 г. оказалась в числе потребителей привозного мяса, молока, картофеля, овощей и другой продукции, которая традиционно выращивалась на месте [9]. Согласно планам XII пятилетки, ежегодное производство зерна по области должно было составлять до 1 млн т, но фактически собирали только половину. Эти цифры были меньше значений предыдущей пятилетки. Показатели по овощеводству и животноводческой отрасли также снижались [10].

Освоение и использование земель региона для нужд сельского хозяйства всегда было связано с большими трудностями и капитальными вложениями. Так, в 1989 г. общая посевная площадь в Приморском крае увеличилась на 11 тыс. га. На развитие аграрной сферы края было использовано 634,2 млн руб. капитальных вложений, или 109,5% установленного лимита. Однако в соотношении с предшествующим годом производство валовой сельскохозяйственной продукции сократилось на 110 млн руб. (за счёт растениеводства) и составило 554,9 млн руб. [11, с. 80–81, 85]. В следующем году положение ещё более усугубилось [12].

Если в 1970 г. сельское хозяйство всех краев и областей региона было прибыльным, то к началу 80-х гг. ситуация изменилась, причём такая тенденция наблюдалась вплоть до конца XX столетия [4, с. 188–189]. К началу перестройки среднероссийские показатели рентабельности аграрного производства были равны 8,8%, в то время как цифры по Дальнему Востоку свидетельствуют об обратном – убыточности отрасли (2,8%) [4, с. 189].

На дальневосточном юге наблюдался рост числа отстающих хозяйств [13–14]. Отрицательно сказывались

на положении сельскохозяйственных предприятий постоянные реорганизации (укрупнение, ликвидация). Так, по данным за перестроечный период, количество совхозов в Приморье сначала увеличилось с 215 до 219, а затем сократилось до 200 в 1991 г. [15].

В середине 1980-х гг. уже было ясно, что АПК Дальнего Востока находится в кризисном состоянии, но сохранялась надежда на возможность изменения ситуации. В рамках решения продовольственной проблемы и перехода к новым экономическим методам хозяйствования XXVII съезд ЦК КПСС постановил доводить до республик, краев и областей только твердые объемы поставок продукции в централизованные фонды, а все произведенное сверх этого оставлять для местного снабжения (так называемый продналог в условиях перестройки) [16, с. 30–32]. Однако реализация с 1987 г. этих мероприятий уже не могла качественно улучшить положение в аграрной сфере региона. Прибыльность сельскохозяйственного производства на юге Дальнего Востока продолжала снижаться [11, с. 80, 118].

Стоит отметить, что уровень и структура потребления на душу населения основных продуктов питания на Дальнем Востоке не соответствовали рекомендуемому Институтом питания АМН СССР пищевому рациону среднестатистического жителя. При этом расходы дальневосточников на продовольственные товары превышали среднероссийские на треть, а на промышленные товары – на 16% [17, с. 20–44].

Руководство аграрного сектора экономики Приморья признавало, что, несмотря на непрерывный процесс реформирования и преобразований, за весь советский период удалось за счёт собственного производства только наполовину обеспечить население края основными видами продуктов питания [11, с. 85; 17]. Несколько лучше обстояли дела в снабжении продовольствием жителей Амурского региона [19].

Еще в 1986 г. М.С. Горбачев, выступая перед жителями Приморского края во время своей поездки на Дальний Восток, выразил недоумение по поводу снижения региональных показателей по сельскому хозяйству за последние 20 лет. Причину такого положения дел лидер государства усматривал в халатности и иждивенчестве местных руководителей, т.е. в доминирующей роли субъективного фактора [20, с. 14, 46]. Однако процесс раскрестьянивания российского села (1929–1990 гг.) и сопровождающая его практика создания индустриального аграрно-промышленного производства (1970–1990 гг.) [21, с. 3] на фоне глобализации были явлениями объективного характера. Непонимание этого приводило к деформациям в реформировании аграрной сферы, которое мыслилось в традиционных терминах повышения экономической эффективности.

С середины 80-х гг. получила распространение практика решения проблем социально-экономиче-

ского развития территорий посредством разработки многочисленных программ [22].

Так, в Долговременной государственной программе комплексного развития производительных сил дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г., утверждённой Постановлением ЦК КПСС и Советом Министров СССР от 19 августа 1987 г. №958, агропромышленному комплексу региона была определена задача укрепления продовольственной базы. Это означало улучшение снабжения населения продуктами питания, полное обеспечение ими за счёт собственного производства при одновременном повышении качества и расширении ассортимента [23].

Так позиционировалась проблема социально-экономического развития дальневосточного села партийным и хозяйственным руководством страны. Каково было видение вопроса на местном уровне?

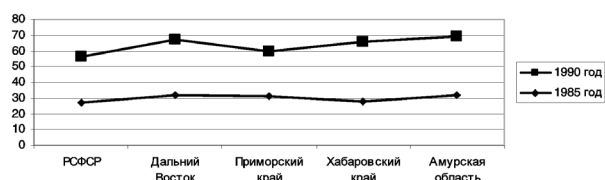
Сельское хозяйство находилось в центре постоянного внимания Приморского крайисполкома и Амурского облисполкома, агропромышленных комитетов, постоянных комиссий по возрождению села и аграрным вопросам, комитетов народного контроля. Однако все попытки решить проблемные вопросы экономического характера, используя в основном административный ресурс, были обречены на неудачу. Местные программы в целом дублировали государственные со всеми вытекающими из этого последствиями. Они отличались непродуманностью, поспешностью, отсутствием научной обоснованности, финансовой ограниченностью и т.п.

Несмотря на заинтересованность региональных властей в решении вопросов социального развития дальневосточной деревни, заметных перемен в этой сфере в перестроечное время не произошло. А между тем в суровых и отдаленных районах социальные факторы всегда играли важную роль. Словосочетания «социальное развитие», «социальное переустройство», «социальное преобразование» села прочно утвердились в документах партии и правительства советского периода истории. Данные понятия многоплановые. Они выражают всю совокупность условий жизнедеятельности людей: режим труда, материальное благосостояние, свободное время, жилищно-бытовые и социально-культурные условия жизни. Кроме этого, понятия характеризуют прогрессивные изменения в самом человеке как факторе производства [24, с. 4].

Повседневные условия жизни на территории Дальнего Востока в силу угнетающих природно-климатических факторов и неразвитости инфраструктуры во второй половине 1980-х гг. оставались тяжелыми. Более-менее внятной попыткой центральных хозяйственных и партийных властей решить региональные вопросы социального характера перестроечной эпохи явилась реализация Долговременной программы

комплексного развития производительных сил Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2000 г. Ее осуществление позволило бы выровнять социальные стандарты региона по отношению к другим территориям страны [25, с. 306]. Таков был приоритет в развитии Дальнего Востока на ближайшую и отдалённую перспективу. Речь шла не только об опережающих темпах строительства жилья, улучшении снабжения, расширении сферы бытового и медицинского обслуживания населения, в том числе сети дошкольных учреждений и школ, создании базы для развития культуры, спорта, туризма, но и совершенствовании систем морального и материального стимулирования, привлечения и закрепления кадров в регионе [23]. Однако данная программа была выполнена только на 30% [22].

Объёмы капиталовложений в непроизводственную сферу территорий Амурской области, Приморского края в перестроечное время постоянно увеличивались (см. рис.). Однако кардинальных изменений в социальном развитии села юга региона не происходило.

Удельный вес непроизводственной сферы в общем объёме капиталовложений (%) [26, с. 25]

Наиболее важной социальной проблемой дальневосточной деревни в середине 1980-х – начале 1990-х гг. являлась жилищная. Так, на протяжении с 1980 по 1992 г. регион имел самую низкую в России обеспеченность жилищными фондами. К концу перестройки доля ветхого и аварийного жилья по Дальнему Востоку превысила среднероссийские показатели в 2 раза и составила 2,6 и 0,2% соответственно [27, с. 166]. По оценке амурских властей, в середине 80-х гг. колхозы и совхозы области имели 40% ветхого жилого фонда, который нуждался в замене. Поэтому увеличение жилищного строительства в 1,7 раза являлось одной из первоочередных задач на XII пятилетку [28].

В реальности ситуация в обеспеченности сельчан жильём развивалась в обратном направлении. В 1991 г. объёмы жилищного строительства по Дальнему Востоку сократились ещё на 21,8% по сравнению с предыдущим годом [26, с. 155]. На одного жителя сельской местности в регионе по данным за 1989 г. приходилось 14 кв. м общей площади (по РСФСР – 18 кв. м). По Приморью показатель был ещё ниже – 13,8 кв. м [29, с. 71, 73]. Очередь из деревенских семей на получение жилплощади постоянно росла: с 4022 до 11178 за 1988–1990 гг. [6, с. 93]. Ситуация

в Амурском регионе была не лучше. Несмотря на то, что на одного сельчанина в конце 80-х гг. здесь приходилось 15 кв. м общей площади, в улучшения жилищных условий нуждались 3740 семей. Каждая пятая не имела ни отдельной квартиры, ни дома. Амурская область занимала 64 место среди регионов РСФСР по уровню обеспеченности жильём деревенских жителей [30].

Самое слабое место жилищной проблемы – низкий уровень инженерного оборудования сельского жилья. Обеспеченность обобществленного жилого фонда элементами благоустройства в сельской местности в 1990 г. по Амурскому региону составляла: водопровод – 24%, канализация – 22%, горячее водоснабжение – 14% [31]. Если в городах и поселках Приморья каждая пятая квартира не была оборудована центральным водоснабжением, канализацией, центральным отоплением, то на селе даже в обобществленном жилищном фонде 69% всех квартир в рассматриваемый период не имели этих видов инженерного оборудования [6, с. 92].

В целом по дальневосточному югу благоустройство обобществленного жилищного фонда изменялось крайне медленно и непропорционально [29, с. 82–86]. Так, за четыре перестроечных года показатели обеспеченности инженерным оборудованием по всем позициям в Амурской области выросли. По Приморскому краю произошло увеличение оснащённости сельского жилого фонда канализационными на 2% и центральными отопительными системами на 3%, но уменьшение оборудования газом на 25% (в том числе за счет роста доли жилищ с электроплитами) и на 15% горячим водоснабжением. Также не стоит забывать о разных стартовых условиях развития регионов европейской и азиатской частей страны.

Темпы непроизводственного строительства в условиях постоянного ограничения финансирования, отсутствия развитой базы стройиндустрии на селе, вкупе с элементарной бесхозяйственностью и нецелевым использованием средств, были крайне медленными. Поэтому обеспеченность сельчан дальневосточников учреждениями соцкультбыта (детскими садами, школами, больницами, домами культуры и быта и др.) была недостаточной. К концу 1990 г. 29% населенных пунктов Амурской области вообще не имели общеобразовательных школ, шестая часть – дошкольных учреждений, 9,4% – предприятий торговли, более 40% – предприятий общественного питания и бытового обслуживания. Обеспеченность местами в детских садах и яслях амурского региона составляла 70% [32]. На 1988 г. по данным областной администрации в очереди находилось 26 тыс. дошкольников [19]. В очереди в Приморье на получение мест в детских садах и яслях находилось более 39 тыс. чел. [33]. Охват детей сельчан дошкольными учреждениями постоянно сокращался. Так, если в 1985 г.

их посещали 64,1% приморских ребятишек, то к концу перестройки – 56,2% [6, с. 101].

Неудовлетворительная обеспеченность предметами народного потребления и услугами также отрицательно влияла на отношение к проживанию в регионе. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 гг. [34] предусматривала рост объема бытовых услуг в 1990 г. не менее чем на 40%, а в 2000 г. – в 2,4–2,5 раза [35, с. 39–40]. На селе рост ожидался больший, чем в городе, хотя традиционно вложения в эту сферу в расчете на одного городского жителя были в 3 раза больше, нежели на селянина [36, с. 190].

В целом в перестроечное время наблюдался прирост объема реализации бытовых услуг населению. Так, в 1986–1989 гг. по Приморью он составил 12,1%, а по Амурской области – 12,6% [27, с. 61]. Но по объему бытовых услуг, оказываемых сельчанам в расчете на одного жителя, только Приморье переместилось с 42-го места по РСФСР в 1985 г. на 40-е в 1990 г. Амурская область сдала свои позиции: с 18-го шагнула на 34-е место [26, с. 67]. Ежегодное невыполнение плановых обязательств домами быта, комплексными приёмными пунктами (КПП) стало распространенным явлением [37]. В качестве причин сложившейся ситуации назывались: организационные недоработки на местах, экономия средств, отсутствие внимания к укреплению материально-технической базы сельской службы быта и т.п. При этом жесткий административный контроль способствовал лишь малозначительной корректировке показателей. Разница в уровне потребления услуг городского и сельского жителя росла. Например, по многим районам Приморья в расчете на одного человека в конце 80-х гг. она составила 1,5 и более раз [38]. Статистические отчеты, используя усредненные данные, не отражали всей полноты картины. Наблюдалось искажение представлений об уровне развития социально-бытовой сферы, несоответствие между формальными показателями обеспеченности и реальным состоянием обслуживания.

Нерешенность социальных проблем не могла не оказать своего негативного воздействия на формирование трудового и демографического потенциала дальневосточной деревни. Следствием недальновидной, несбалансированной государственной политики в отношении региона, считающегося трудодефицитным, явилось снижение естественного прироста населения в расчете на 1000 чел. с 11,8% в 1986 г. до 10,4% в 1988 г. Также сократился общий коэффициент миграционного прироста с 5,7% в 1981–1985 гг. до 2,7% в 1986–1988 гг. [39, с. 24, 28]. Численность населения Дальнего Востока к 1989 г. составила 7,9 млн чел., достигнув максимума в 1991 г. – 8,057 млн чел. К началу кардинальных экономических преобразований, в том числе в аграрной сфере, на-

блюдалось уменьшение доли сельского населения как в целом по России, так и на Дальнем Востоке. И только по южным, наиболее заселенным территориям Приморья, Амурской области ситуация была относительно стабильной [29, с. 7]. Это объяснялось наличием более молодой структуры населения и относительно высокой миграционной подвижностью.

Долгое время основным методом решения демографической проблемы на Дальнем Востоке являлось регулирование заработной платы с помощью районных коэффициентов, льгот переселенцам, в том числе и в сельскую местность, и т.п. [1, с. 90–92]. Действительно, рост среднемесячной заработной платы дальневосточников превышал среднероссийский уровень. Так, в период с 1985 по 1989 г. в среднем по региону и в частности по Приморью она увеличилась на 85,5 руб., а по Амурской области – на 83,7 руб. (по РСФСР только на 57,2 руб.) [1, с. 124]. Но со временем рост материального благосостояния перестал быть единственным стимулом длительного пребывания людей на данных территориях, так как не компенсировали повышенные затраты на проживание здесь.

Местные власти проявляли обеспокоенность по поводу низкой закрепляемости в регионе сельскохозяйственных переселенцев [40–41]. Несмотря на ежегодное перемещение в Амурскую область более 1500 семей, на каждую 1000 оставшихся требовалось 8–9 тыс. мигрантов [42]. Поэтому отдельные мероприятия, направленные на освоение и заселение региона с помощью регулирования заработной платы и районных коэффициентов, льгот сельскохозяйственным переселенцам (в 1989 г. для них были установлены денежные пособия на хозяйственное обзаведение, безвозмездная помощь в организации подсобного хозяйства, оплата материалов для строительства жилых домов, предоставление долгосрочных кредитов на сумму до 50 тыс. руб. и др.), лишь временно стабилизировали обстановку.

Таким образом, ситуацию, сложившуюся в аграрном секторе России в середине 1980-х – начале 1990-х гг. прошлого столетия в целом и на Дальнем Востоке в частности, многие исследователи склонны считать кризисной. Причины создавшегося положения были как субъективного, так и объективного характера.

Несмотря на перспективность южной части Дальневосточного региона в пределах Амурской области и Приморского края для хозяйственного освоения, их развитие всегда было связано с определенными трудностями (угнетающие природно-климатические условия, малоземелье, труднедостаточность, неразвитость инфраструктуры и т.п.). Удаленным территориям приходилось сложнее всего, так как постоянная поддержка центральных властей отсутствовала. Увеличение капитальных вложений

в социально-экономическую сферу дальневосточного села осуществлялось без применения эффективных механизмов учёта и реализации средств. Важность социальных факторов, таких как обеспеченность жильем, объектами соцкультбыта, доступность предметов народного потребления и сферы услуг, особенно для деревенских жителей, недооценивалась. Отрицательную роль сыграли несогласованность,

непоследовательность и поспешность действий партийного и хозяйственного руководства всех уровней в перестроечный период, что привело к свертыванию как государственных, так и местных программ по развитию Дальнего Востока.

К 1991 г. сформировался целый комплекс социально-экономических проблем аграрной сферы региона, которые требовали скорейшего разрешения.

Библиографический список

1. Сидоркина, З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке / З.И. Сидоркина. – Владивосток, 1997.
2. Гладышев, А.Н. Дальний Восток сегодня, завтра / А.Н. Гладышев. – М., 1987.
3. Концептуальные вопросы Программы государственной поддержки экономики Дальнего Востока в условиях перехода к рынку : научный доклад. – Хабаровск, 1992.
4. Тибекин, А.Р. Организация и экономика сельского хозяйства дальневосточного экономического района (1958–1985 гг.) / А.Р. Тибекин. – Хабаровск, 1989.
5. Савалей, В.В. Приморье – поиск экономической ниши / В.В. Савалей // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – №5.
6. Народное хозяйство Приморского края в 1991 г. – Владивосток, 1992.
7. Государственный архив Амурской области (ГААО). – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5135. – Л. 8–9.
8. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5136. – Л. 7.
9. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 4888. – Л. 12, 19.
10. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5136. – Л. 5, 7; Д. 5182. – Л. 25, 29.
11. РСФСР и регионы Дальневосточного экономического района в 1989 году. – М., 1990.
12. Государственный архив Приморского края (ГАПК). – Ф. 194. – Оп. 13. – Д. 395. – Л. 115.
13. ГАПК. – Ф. 26. – Оп. 37. – Д. 1155. – Л. 25–26, 139; Ф. 194. – Оп. 13. – Д. 39. – Л. 296.
14. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 4888. – Л. 12, 19; Д. 5182. – Л. 25, 29.
15. ГАПК. – Ф. 194. – Оп. 13. – Д. 395. – Л. 155.
16. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М., 1986.
17. Трошина, Т.В. Основные тенденции динамики и сравнительного уровня народного благосостояния / Т.В. Трошина // Территориальные особенности формирования уровня жизни населения. – Владивосток, 1988.
18. ГАПК. – Ф. 26. – Оп. 37. – Д. 1344. – Л. 28–30.
19. Макаревич, С. Горизонты Приамурья: Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил Амурской области. Проблемы её реализации / С. Макаревич // Амурская правда. – 1988. – 26 июня.
20. Перестройка неотложна, она касается всех и во всём : сб. матер. о поездке М.С. Горбачева на Дальнем Востоке 25–31 июля 1986 г. – М., 1986.
21. Пациорковский, В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. / В.В. Пациорковский. – М., 2003.
22. Мотрич, Е.Л. Формирование и динамика населения как фактор экономического развития Дальнего Востока России : автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Е.Л. Мотрич. – Хабаровск, 2006.
23. Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 года [Электронный ресурс] // http://www.smix.biz/docs_ccsr.php?id=2589
24. Бондаренко, Л.В. Формирование социальной инфраструктуры села / Л.В. Бондаренко. – М., 1987.
25. Социальные аспекты перестройки / Л.И. Абалкин, Н.Я. Петраков, Е.Г. Ясин и др. – М., 1989.
26. Показатели социального развития Приморского края в сравнении с другими регионами. – Владивосток, 1994.
27. Изменения в территориальных структурах хозяйства и расселения Дальнего Востока при переходе к рыночной экономике / П.Я. Бакланов и др. – Владивосток, 1996.
28. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 4888. – Л. 30.
29. Сибирь и Дальний Восток: социальное развитие. – М., 1990.
30. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5226. – л. 5.
31. Тезисы концепции социально-экономического развития области и деятельности исполкома областного Совета народных программ депутатов на XIII пятилетку в условиях рыночной экономики // Амурская правда. – 1990. – 28 июня.
32. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5226. – Л. 5.
33. ГАПК. – Ф. 1521. – Оп. 2. – Д. 332. – Л. 9.
34. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы. – М., 1985.
35. Бондаренко, Л.В. Культурно-бытовое строительство на селе / Л.В. Бондаренко. – М., 1987.
36. Минакир, П.Я. Экономика Дальнего Востока: перспективы ускорения / П.Я. Минакир, О.М. Рензин, В.П. Чичканов. – Хабаровск, 1986.
37. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5029. – Л. 38, 131.
38. ГАПК. – Ф. 26. – Оп. 37. – Д. 800. – Л. 9–12, 19.
39. Мотрич, Е.Л. Демография и экономика ДВЭР / Е.Л. Мотрич // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – №6.
40. ГАПК. – Ф. 26. – Оп. 37. – Д. 504. – Л. 82.
41. ГАПК. – Ф. 194. – Оп. 13. – Д. 39. – Л. 202.
42. ГААО. – Ф. 114. – Оп. 2. – Д. 5135. – Л. 10.